

Характеризуются памятники градостроительства и архитектуры средневековой столицы Армении Ани в оценках русских путешественников, писателей и художников конца XVIII – начала XX века. Их увлеченность этим наследием стимулировала профессиональный научный интерес к городищу Ани, которое с конца XIX века становится лабораторией русской медиевистики, археологических и архитектурных исследований. Обзор посвященных Ани литературных и художественных произведений выявляет их ценность в качестве документальных источников, передающих особенности и состояние памятников архитектуры, значительно пострадавших на протяжении XX века.

Ключевые слова: армянская архитектура; город Ани; путешествия художников и писателей; русская культура XVIII – начала XX века; литературные и художественные образы./

The monuments of urban development and architecture of Ani, the medieval capital of Armenia, are presented through the eyes of Russian travellers, writers and artists of the late 18th and early 20th centuries. Their enthusiasm for this heritage stimulated professional scientific interest in the site of Ani, which became a laboratory of Russian medieval studies, archaeological and architectural research in the late 19th century. A review of literary and artistic works devoted to Ani reveals their value as documentary sources that describe the features and condition of the monuments of architecture significantly damaged during the XX century.

Keywords: Armenian architecture; city of Ani; travels of artists and writers; 18th - early 20th century Russian culture; literary and artistic images.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00354, <https://rscf.ru/project/22-18-00354/> в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете (НИУ МГСУ) / Acknowledgements: The study has been realized by the grant of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00354, in the Moscow State University of Civil Engineering (MGSU), National Research University/

Русские путешественники об архитектурном наследии Ани / Russian travellers on the architectural heritage of Ani

«Чувства, возбуждаемые при виде этого пустынного города, крайне меланхоличны <...> Бесформенные холмы Вавилона подобны скелету; а опустевший, но все еще стоящий город похож на бездыханный труп, который еще сохраняет видимость жизни», – так характеризует городище Ани в своем отчете 1837 года о путешествии по Кавказу офицер британской армии Ричард Уилбрэхам¹. В Средние века являвшийся одним из ярчайших городов Востока, Ани в пору своего первого расцвета, с 961 по 1045 годы, был местом коронации царей – шахиншахов главной линии Багратидской династии, а с перемещением туда в конце X века кафедры католико-Армянской церкви город приобретает полноценный смысл армянской столицы. Последующие периоды завоеваний страны византийцами и мусульманами с конца XII века сменились новой эпохой христианских правителей, поначалу вассальных по отношению к грузинским Багратидам. С середины X века Ани оставался ведущим центром развития архитектурного творчества до тех пор, пока природные стихии и новые завоевания тюркских кочевых племен не привели к деградации жизни и быстрой миграции его жителей. К XV веку Ани был практически пуст (рис. 1).

Четырехсотлетнему блестящему развитию города пришло на смену столь же длительное забвение. Затем, уже в среде европейцев, поступательно приходило осознание неоспоримой ценности его культурного наследия, чему способствовала не только необходимость освоения важной страницы всеобщей истории архитектуры, но и европейский романтизм, повлекший распространение археологических исследований на Восток. Ввиду геополитических изменений, с установлением владычества Российской империи на Южный Кавказ, особенно по итогам Русско-персидской войны 1828 года, ей открылся доступ к древностям Армении и новое, сухопутное направление к святыням Палестины – через Месопотамию и Сирию. От Ани империю разделяла лишь река Ахурян, а после расширения российских пределов по ее правую сторону и образования Карсской области (1878) явилась возможным изучать городище Ани, кульминацией чего явилась работа Анийской экспедиции Императорской археологической комиссии (1892–1893; 1904–1917). Так

начинался столетний период изучения архитектуры Ани, который, несмотря на последующую оккупацию Карсской области Турцией и политические ограничения исследований на востоке этой страны, характеризуется последовательным накоплением знаний и плодотворным анализом развития монументального зодчества.

Однако речь пойдет о том, как древний город приобрел значимость в русской среде задолго до овладения Россией его территории в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 годов, а затем и в последующие 40 лет, когда соседние с Ани города Александрополь (Гюмри) и Карс становятся не только форпостами русской армии на южном Кавказе, но и трансляторами ценностей русской культуры, в том числе архитектуры на пространстве Армении и Ближнего Востока [2; 3]. Оценкам Ани русских путешественников уделил внимание русский востоковед Н. Я. Марр в первой главе своей монографии об этом городе, сжато охарактеризовав их.

Европейские путешественники с XVIII века последовательно открывали для себя древнюю Армению и ее главный средневековый город Ани, по словам Н. Я. Марра, – крупнейшую жемчужину в «археологическом венце Кавказа» [4, с. 55]. Эта традиция была унаследована русскими художниками и литераторами.

Первое свидетельство обращения отечественных путешественников к анийскому наследию – акварельный рисунок из альбома выпускника Академии художеств Михаила Матвеевича Иванова (1748–1823), хранящийся в Русском музее (рис. 2) [5, рис. 9]. В 1783 году Иванов

текст

Армен Казарян

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет / text

Armen Kazaryan

National Research Moscow State University of Civil Engineering

1. Перевод мой – А. К. Оригинальный текст: «The feelings excited by the sight of this desert city are very melancholy <...> The shapeless mounds of Babylon are like the skeleton; but the deserted yet still standing city resembles the corpse whose breath has fled, but which still retains the semblance of life» [1, p. 79–80].

в Рис. 1. Ани. Панорама с видом на Вышгород (слева) и кафедральный собор (по центру). Фото А. Казаряна. 2013

> Рис. 3. Монастырь Оромос. Церкви Сурб Минас и Сурб Геворг. X – начало XI века. Фото А. Казаряна. 2013

был в Эривани. Очевидно, непосредственно до или после этого он заезжал на территорию Ани или, по крайней мере, пересек пограничную с Османской империей реку Ахурян и посетил монастырь Оромос, который лежал на пути прибывающих из Александрополя. Обращая внимание на акварель М. Иванова, Н. Я. Марр отмечает ее «фантастический» вид «из Гошаванка (Хошаванка – А. К.), усыпальницы армянских царей, на Ани или, как сказано в подлиннике того времени, «на город святой Анны»» [5, с. 2].

На самом деле нарисованная панорама с двумя монастырскими церквями обращена не в сторону Ани, а в обратную. Тем не менее, для многих этот монастырь, часто именовавшийся именно Хошаванком, ассоциируется с частью Ани, а его монументальная триумфальная арка – с воротами в городские предместья. Именно церкви Оромоса изображены на картине Иванова, по которой мы можем судить о степени его сохранности в конце XVIII века. Монастырь сильно пострадал во второй половине XX века от действий вандалов в зоне ответственности турецких пограничников. Однако основные постройки, изображенные на акварели М. Иванова, – две

церкви, Сурб Минас (Ованнес) второй четверти X века и Сурб Геворг рубежа X – XI веков, сохраняются, несмотря на значительные утраты куполов и внешней кладки стен (рис. 3). На акварели запечатлены и мемориальные памятники – хачкары, стелы, более низкие надгробия, среди которых наверняка представлена и могила царя Ашота I Милостивого Багратуни – основателя Ани. От всех них сейчас не осталось и следа. С точки зрения образной характеристики очевидна драматизация сюжета, придание пейзажу мистического ощущения. Впрочем, и позже близким впечатлением поделился путешественник Е. Л. Марков, подъезжая к Ани со стороны Оромоса: «Еще издали видны разбросанные на огромное пространство среди голой степи остатки стен с башнями, остовы церквей и высоко поднятые на горе развалины цитадели. Чем-то давно умершим, немymi пустынями Палестины и Сирии, дышит этот глубоко-исторический пейзаж» [6, с. 26].

Н. Я. Марр, характеризуя первые попытки отечественного научного освоения наследия Ани, пришедшиеся на 1940-е годы, резонно выделяет школу Дерптского университета, куда сходились лучшие представители армянского студенчества. Кроме чисто научных интересов, «на возникновение в Дерпте научного интереса к Ани повлияло то умственное возрождение русских армян, которое пошло особенно сильным темпом по отвоеванию, в сороковых годах XIX века, прав литературного языка новоармянским <...>» [5, с. 2]. Безусловно, исследование Ани профессором этого университета натуралистом Абигом носило профессиональный характер, но в частных письмах он «высказывался в той христианско-романтической формулировке, дальше которой и по сей день не пошла идеология защитников армянского дела» [5, с. 3].

Абих противопоставляет продолжающий жить город Рим с руинами Ани. Тогда же, вслед за европейской отсылкой к Вавилону, последовало наше метафорическое сравнение Ани с Пальмирой. Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874), известный русский писатель и церковный деятель, посетивший Грузию и Армению с сентября 1846 по июль 1947 года, передал полное эмоциональных метафор описание своих ощущений

в Рис. 2. Михаил Иванов. Ани. Бумага, акварель. Русский музей. Около 1783. По фотографии из Архива Института истории материальной культуры РАН

< Рис. 4. Ани. Вид на Вышгород (акрополь) от церкви Ачкаберда (Девичьей крепости) конца XII в.
Фото А. Казаряна. 2019

от посещения городища: «<...> еще за пять верст от Ани, исполинские врата уже отверзали пустынный вход к ее чудным останкам. Армянская Пальмира красовалась вдали, сонмом своих храмов и мечетей, минаретов и бойниц, как будто люди еще ее не покинули на жертву времени» [1, с. 102–103; 7, с. 259]². Так в середине позапрошлого столетия складывался романтический образ великого замершего городища, и этот устойчивый образ способствовал чувственному, проникновенному интересу к художественным сокровищам древней армянской столицы. Трагическое восприятие утраченной христианской цивилизации переживается Н. Муравьевым при первом же описании города: «Вышгород обличает мертвенность Ани; с палат царских началась страшная жатва смерти <...> Напрасно стоят повсюду храмы: нет в них более молитвы! Если есть еще пустынные церкви на окрестных горах, или вне ограды, на пространстве поля, бывшего некогда городом: то это лишь памятники минувшей славы; нет более Ани!» [7, с. 261–262].

В череде живописных описаний этого автора встречаем упоминание Ани как города тысячи одной церкви, которое было широко распространено в армянской среде: «Пронзительный холод обвеял нас под сумрачным их навесом: Арпачай сердито кипел по камням, не охотно открывая влажную стезю свою к очарованной столице. Гений тысячи одной ночи представил бы этот бешенный поток, у подножия Ани, заколдованным стражем сего таинственного города тысячи одной церкви: в наименовании его уже действует воображение восточное, ибо оно умеет, одною яркою чертою, резко обрисовать предмет» [7, с. 273] (рис. 4).

Но далее изложение напоминает содержание экскурсии, которую автор проводит, передвигаясь от места к месту, от памятника к памятнику, постоянно перемежая краткие, но меткие описания с воспоминаниями из средневековых хроник. Следует признать, что представления некоторых памятников выглядят точными и весьма информативными. Так, изложено описание росписи, ныне не сохранившейся и известной нам по паре фотографий начала XX века: «Несколько выше, на пустынной площади, возвышается другая круглая церковь замечательной архитектуры, которая отчасти напомнила мне

Иерусалимскую мечеть Омара: по двенадцати аркад в каждом из ее двух ярусов, и еще сохранилась внутри стенная живопись. Там где был престол, написан Спаситель, окруженный Архангелами, в других углублениях четыре Евангелиста и лики святых; надписи все Армянские и одна на вратах свидетельствует, что церковь была сооружена в патриаршество Петра, при Иоанне Сумбате, сыне Царя Гагика» [7, с. 278–279]. Бесспорно, речь идет о церкви Спасителя, построенной Аблгарипом

2. Армянской Пальмирой называет Ани и писатель А. П. Андреев [7].

< Рис. 5. Ани. Церковь Сурб Пркич (Спасителя). Вид с запада. 1035.
Фото А. Казаряна. 2012

> Рис. 6. Ани. Западная сторона Смбатовых городских стен. X–XIII века. Фото А. Казаряна. 2015

Пахлавуні в 1035 году в нескольких сотнях метров к востоку от Анийского собора (рис. 5).

В этой книге также отражено мнение о начале, или о самой массовой эмиграции из Ани после взятия его предводителем турок-сельджуков, а также сказано о традиции, бытовавшей в XIX веке в среде армянской диаспоры Восточной Европы, которая утверждала об анийском происхождении своих предков: «Не много лет спустя, сильный Султан Сельджукидов, Кизил-Арслан,

вошел в 1064 году, в пределы Армении и осадил Ани. После долгой осады и кровопролитного приступа, он овладел городом и все в нем предал огню и мечу; не было пощады никакому возрасту и полу, кровью жителей окрасились воды Арпачая; духовенство наиболее подверглось истязаниям и святыня храмов была расхищена; большая часть жителей уведена в плен и многие из них бежали в Польшу и Крым. Феодосия, Нахичевань и Ростов населились в последствии выходцами из Ани» [7, с. 167–168].

Среди публикаций русских путешественников следует особо выделить сочинение путешественника, этнографа и писателя Евгения Львовича Маркова (1835–1903) «Русская Армения», VIII раздел которого почти целиком посвящен Ани [6, с. 21–40]. «Вообще, развалины Ани убеждают несомненно, что в дни процветания этого города архитектурное искусство у армян стояло уже на очень высокой степени, отличаясь благородной простотой линии, тонким восточным вкусом своих украшений и математическою отчетливостью и правильностью работы», – пишет Марков [6, с. 40].

Армянский историк Лео (А. Г. Бабаханян; 1860–1932) высоко оценил это произведение. Сравнивая его с рассказом Александра Петровича Андреева «На развалинах армянской Пальмиры» [8], он отмечает, что последний написан в унисон великорусским националистическим настроениям конца XIX века [9, с. 62–64]. Эти два произведения рубежа XIX – XX веков, времени особой популярности анийского маршрута в среде русских путешественников, выстроены в форме диалогов с попутчиками и лицами, встреченными в Ани. Рассказ Андреева отличается живостью языка и свободой мыслей, отражающих оценку прибывавших на Кавказ к местному населению и русскому чиновничеству. Услуги гида в Ани предлагает обладающий значительными знаниями по истории Ани фотограф, имени которого писатель не называет. Им мог быть, скорее всего, уроженец Константинополя, актер Арам Вруйр или его учитель по фотографическому ремеслу Ованнес Кюркчян (что менее вероятно ввиду солидного возраста последнего). Обсуждения истории, связанных с ней и последними событиями настроений занимает большую часть повествования, почти не остав-

> Рис. 7. Ани. Кафедральный собор. Архитектор Трдат. Конец X в. Фото А. Казаряна. 2015

< Рис. 8. Ани. Руина минарета в центре города. Фото А. Казаряна. 2022

ля места описания построек. Гораздо значительнее обращения к архитектуре у Е. Л. Маркова.

Именно ему принадлежит первое сравнение фортификаций Ани с константинопольскими: «Стены Ани были двойные, и хорошо сохранившийся во многих местах огромный обхват их, своею высотой, длиною и множеством башен несколько напоминает мне стены древней Византии в Константинополе. Эта непрерывная каменная ограда отрезала столицу Армении со стороны степи, единственно доступной для нападения» [6, с. 27]. У него же встречаем редкую по точности оценку архитектуры этой ограды: «Круглые башни Ани огромной высоты и сложены, как и стены, из превосходного тесанного камня серо-желтого цвета; на многих из них видны кресты колоссальной величины, образованные черными камнями, вставленными среди желтого фона. Иные расписаны этими же черными камнями в виде шахматной доски и разных других узоров; кое-где виднеются плиты с старинными надписями, большая каменная доска с изображением льва. Вообще заметно, что эта древняя твердыня была не только боевою оградой, наскоро сложенной для защиты от врага, а самобытным созданием архитектурного вкуса того времени, предназначенным для украшения и славы города столько же, сколько для его безопасности, – делом чьей-нибудь любви и сердечной заботы» [6, с. 27] (рис. 6). Сравнение структуры и фортификаций Ани с Константинополем в последние годы иницировано фактически заново. В попытке опереться на мысли предшественников в этом вопросе, я опростачно не обратил внимание на мнение путешественника Е. Л. Маркова и, тем самым, в одной из статей зависил значение собственного вклада [10].

Е. Л. Марков великолепно ориентируется в сложном, изрезанном ущельями рельефе, в который вписаны основные строения и части городской структуры: «Бешеный Арпачай вьется как змея в этих каменных оковах своих, делая на каждом шаге резкие и глубокие завороты между скал. На самом последнем завороте его, там, где с ним сливается впадающая в него река Аладжа, на далеко выдавшемся обрывистом горном мысе, спадающем крутыми ступенями в пучины реки, вырезается характерная островерхая башня древнего женского монастыря

во имя св. Григория-Просветителя, почти недоступного ни с воды, ни с сухой земли. А еще правее и еще выше его, на конической горе, венчающей все обширное поле развалин старой армянской столицы, высятся полуразрушенные крепостные башни, храмы и здания былого акрополя Ани» [6, с. 33–34].

В характеристике кафедрального собора (985–1001) сказывается не только наблюдательность, но и эрудиция автора, его знакомство с воззрениями историков искусства на архитектуру этого произведения зодчего Трдата, с общей расположенностью рассмотрения армянского стиля вместе с грузинским и в рамках византийского. «Главный собор Ани – <...> чудное архитектурное создание, соединившее в себе все характерные черты и всю своеобразную красоту древней армяно-грузинской архитектуры, в основе которой лежит, конечно, византийский стиль, с сильною, однако, примесью готики. <...> Сложен он, как и все храмы Ани, из прекрасно вытесанных камней темно-желтого туфа и, словно драгоценною парчею, одет кругом по фасаду и боковым стенам, по всем арочкам, карнизам, поясам и колоннам, кругом дверей, кругом каждого окошка, узких и длинных как щели крепостной бойницы, – разнообразнейшею восточною резьбою; плиты с крестами и надписями, с фигурами львов, орлов и разных других птиц, в рамках удивительных узоров, врезаны в эти стены, среди этих арок и столбиков, и, прочитанные учеными людьми, дают богатый материал не только для истории храма, но и для характеристики религиозных обычаев средневековых армян», – сообщает Е. Л. Марков [6, с. 29], а затем обращает наше внимание на особенности интерьера: «Внутри собора – высокие круглые своды на стройных колоннах, связанных целыми букетами; расположен храм правильным крестом, как греческие базилики. Но громадный купол, осенявший его, давно провалился, и синее небо смотрит теперь в темную внутренность храма сквозь широкий пролом, уже успевший обрасти по краям дикими травами. Да и стены великолепного храма тоже дали глубокие трещины в разных местах, доходящие чуть не до самой земли. Груды камней и плит с превосходною резьбою, некоторые даже с раскрашенными фигурами святых, свалены в углах храма; это – находки армянского

> Рис. Ани. Вид с городища на пещерный город в долине Цахкоцадзора.
Фото А. Казаряна. 2013

археолога, г. Марра, приготавливающего обстоятельное исследование древних памятников Ани, извлеченных из развалин разных зданий его» [6, с. 31] (рис. 7).

Следует добавить, что оценочная характеристика Анийского собора с указанием в нем «примеси» готики во времена Маркова не была новой. Рожденное в недрах западной традиции, сравнение этого произведения зодчего Трдата с европейскими соборами поддерживалось в конце XIX в. в очерках английского путешественника Х. Ф. Б. Линча [11, с. 473–500], а в начале XX века одним из основоположников исследований армянской архитектуры венским профессором Йозефом Стржиговским [12, р. 744–747, 805–809]. Тем не менее в рассказе русского писателя содержатся ценные упоминания деталей собора и свидетельство хранения раскопанных Н. Я. Марром архитектурных фрагментов в этом здании.

Почти на профессиональном уровне автор описывает многие другие храмы на городище, мост в ущелье Ахуряна, мечеть и оба минарета, один из которых, ранее стоявший в одиночестве, при посещении Ани Марковым был уже развалившимся, по его предположению, от последнего землетрясения (рис. 8).

Обращено внимание и на спорную атрибуцию некоторых зданий: 1) мечети, позже в литературе именованной мечетью Мануче, которая явно основывалась как дворцовое здание; 2) притвора церкви Апостолов, ошибочно называвшегося дворцом Пахлавидов; 3) дворца, который позже стал именоваться дворцом Парона (господина), а в конце XIX века еще и дворцом Багратидов. Е. Л. Марков знаком с научным дискурсом по каждому из этих памятников: «Наш талантливый странствователь по Востоку, А. Н. Муравьев, не допускал, однако, чтобы дворец армянских царей мог помещаться в таком опасном боевом месте, и считал с своей стороны эти развалины дворцом Палавидов, могущественных вассалов армянских царей, владевших одно время городом Ани. Мнение его разделяет и Броссе в своем классическом исследовании развалин Ани, хотя и полном некоторых ошибок, объясняемых, впрочем, тем обстоятельством, что Броссе не посетил лично развалин Ани, а описывал и рисовал их по материалам разных других археологов и путешественников» [6, с. 37]. Впрочем, выдвинутые

еще в те времена вопросы о функциональном назначении многоколонного здания, инкорпорированного в XI или XIII веке в комплекс мечети Мануче, и принадлежность дворца Парона по сей день остаются нерешенными.

Уезжал Е. Л. Марков из Ани на север, посещая памятники эпохи Багратидов: крепость Тигнис и возведенный в 970-е годы зодчим Трдатом собор в Аргине. Судя по обращениям в своем рассказе к древнеармянским источникам, писатель великолепно был осведомлен не только об исторических событиях тысячелетней давности, но и местах, где они протекали. Он сообщает, что в Аргине, служившей резиденцией католика, похоронены были два из них, но гробницы эти завалены обрушившимися камнями стен собора. Здание это он считает прекрасно построенным, сопоставимым с собором в Ани, с резьбой на стенах, а также выражает обеспокоенность судьбой храма, к тому времени уже сохранявшему в целости только одну стену. Вопреки эти опасениям, окончательно разрушит памятник не стихия, а турецкая администрация уже в 1950–1960-е годы [13, с. 44–45].

Было бы большим преувеличением считать все публицистические произведения о развалинах Ани хоть насколько-нибудь полезными для научной и реставрационной работы. Большинство их наполнены были лишь чувствами духовного созерцания и порой не содержали никакой информационной составляющей о памятниках архитектуры. Привлекало само место, становившееся целью духовного и познавательного паломничества.

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968), посетивший городище во время своего путешествия в Армению в 1923 году, оставил эмоциональные и полные восхищения строки с своим биографическом сочинении «Повесть о жизни»: «Что такое Ани? Есть, конечно, вещи, которые мы не в силах передать, как бы ни старались. Как передать такое безмолвие, что издали слышен сыплющийся шорох овечьих копыт и стук созревших семян в коробочках давно высохших цветов, как в детских погремушках?»

Как передать тени от ласточкиных крыльев на плитах папертей, заросших обыкновенным одуванчиком?

Среди безлюдья, ветра, тишины живут только травы, фрески и небо, похожее на фрески.

< Рис. 10. Геворг Башинджагян. Кафедральный собор Пресвятой Богородицы в Ани. Холст, масло. 82,5×125 см. 1900. Национальная галерея Армении [14, с. 35]

Облака стоят, как выписанные знаменитым итальянским мастером, и между облаков иногда падает на землю тот знаменитый косой и единственный солнечный луч, который любил изображать Доре.

Этот луч еще с раннего детства стал принадлежностью картин из Ветхого завета. Увидев его над выжженными площадями Ани, я сразу же понял, что попал в места такие древние, как сама земля.

Солнце садилось. Нам надо было возвращаться. С каким бы наслаждением я переночевал в этих развалинах, вглядываясь в круговращение звезд и даже завидуя самому себе» [14] (рис. 9).

Картину анийских образов на рубеже XIX – XX веков существенно дополняют произведения двух армянских художников – Геворга Башинджагяна и Аршака Фетваджяна. Становление творческого пути первого из них пришлось на последнюю четверть XIX в. и было неразрывно связано с русской академической школой и с мастерами эпохи романтизма. Ани Г. Башинджагян посещает в 1884 году, во время первого своего большого путешествия по Кавказу, и создает картину с изображением триумфальной арки Оромоса (х., м., 61 × 52,2 см. Национальная галерея Армении). Кроме безусловных живописных достоинств, произведение обладает выверенным рисунком, делающим изображение руинированного здания документальным источником для изучения этого практически не сохранившегося памятника первой половины XI века. На двух больших полотнах, почти идентичных по рисунку, но менее точно переданы формы Анийского собора, к востоку от которого видна руина церкви Сурб Рипсиме, впоследствии полностью разрушившейся, и далее, за ней церковь Спасителя (1900, х., м., 82,5 × 125 см; 1901, х., м., 82 × 132 см. Национальная галерея Армении) (рис. 10). Примечательна и панорама Ани с видом на мечеть Мануче и цитадель с царским дворцом, характеризующаяся обобщенными формами и, как и все произведения этого художника, изысканным светотеневым и колористическим решениями (1908, х., м., 63 × 115 см. Национальная галерея Армении) [15, с. 24–25, 33–36].

Возможно, к этой статье мог быть привлечен материал о деятельности фотографов Ани, тем более что они оста-

вили нам не только фотографии, но и свои воспоминания и впечатления. Но это – отдельная большая страница деятельности, тесно связанная с документацией материалов в годы работы русской археологической экспедиции.

Первый приезд Н. Я. Марра в Армению состоялся в 1890 году, а организация комплексной экспедиции – двумя годами позже [16; 17]. Это было время, когда увлеченность наследием средневековой армянской столицы русскими путешественниками, писателями и художниками достигла наивысшего уровня. Возможно, имел место общественный заказ на обращение внимание к этим руинам, который стимулировал профессиональный научный интерес к архитектурным памятникам этого городища и соседних с ним монастырей. Если так, то становятся очевидными не только собственный интерес Н. Я. Марра к началу работы над большим проектом по Ани, но и возможность убеждения с его стороны членов Археологической комиссии в необходимости такого предприятия.

За 25 лет работы экспедиции популярность Ани и в русской, и в армянской среде нарастала. Об этом свидетельствуют не только произведения художников и писателей на анийскую тему, но и факт наименования в честь города Ани астероида главного пояса, открытого 29 июня 1914 года [18, р. 74]. Раскопки, обмеры, реконструкции храмов Ани расширили информацию о памятниках архитектуры Армении и Грузии, научное и творческое освоение которых играло существенную роль в развитии архитектурной практики второй половины XIX в. [19; 20; 21].

Обзор литературных и художественных произведений выявляет их ценность в качестве документальных источников, передающих нам особенности тех памятников архитектуры, которые в наибольшей мере пострадали на протяжении XX века. Это в основном постройки в окрестностях Ани, расположенные вблизи городских стен или на расстоянии нескольких километров от них: Пастушья церковь, монастыри Оромос, Багнайр, Хцконк, соборы Ширакавана и Аргины, церковь в Текоре.

Литература

1. Иноязычные источники об Ани (X–XIX вв.) / отв. редактор П. А. Чобанян. – Ереван : Гитутюн, 2011. – 166 с. (На арм., рус., англ. языках)
2. Иванов, А. В. Регулярный вернакуляр: свобода внутри решетки (исторический центр Гюмри XIX — середины XX в.) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2017. – № 2 (9). – С. 159–192
3. Gurallar, N. Russian Modernization in East Anatolia: The Case of Kars // *Muqarnas*. – 2000. – Vol. 37. – P. 247–264
4. Орбели, И. А. Развалины Ани : История. Современное состояние. Раскопки / – Санкт-Петербург : журн. «Нева», 1911. – 55 с.; 16
5. Марр, Н. Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. – Москва – Ленинград, 1934. – 133 с.
6. Марков, Е. Русская Армения. Зимнее путешествие по горам Кавказа // *Вестник Европы*. – 1901. – Т. 4. – № 7/8. – С. 5–52
7. Муравьев, А. Н. Грузия и Армения. – Т. II. – Санкт-Петербург : Типография III отдела. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1848. – 331 с.
8. Андреев, А. П. На развалинах армянской Пальмиры (Из путевых впечатлений) // *Исторический вестник*. – 1898. – № 1. – С. 226–264
9. Լեո. Անի: Տպավորութիւններ, հիշատակներ, անցածն ու մնացածը (Лео. Ани. Впечатления, воспоминания, прошлое и оставшееся). – Ереван : изд. Ереванского государственного университета, 1963. – 384 с.
10. Kazaryan, A. The City of Ani: Constructing a Medieval Capital in the Christian Orient // *Architecture and Visual Culture in the Late Antique and Medieval Mediterranean. Studies in Honor of Robert G. Ousterhout* / Ed. by Vasileios Marinis, Amy Papalexandrou and Jordan Pickett. – Turnhout: Brepols Publishers, 2020. – P. 241–252
11. Линч, Х. Ф. Армения: путевые очерки и этюды / пер. с англ. Е. Джунковской. – Т. 1–2. – Тифлис : Издание Торгового дома «Е. И. Петров и Ко», 1910. – 197 с.
12. Strzygowski, J. Die Baukunst der Armenier und Europa. – Bd. 1–2. – Wien: Anton Schroll & co G.M.B.H., 1918. – 888 p.
13. Геноцид после геноцида / ред. С. Карапетян. – Ереван : Фонд исследований армянской архитектуры, 2015. – 384 с. (На арм., рус., англ. языках)
14. Путешествие Константина Паустовского в Армению: «Тысячелетия прикасались к моим глазам» // Новостной портал «Армянского музея Москвы и культуры наций» : сайт. — URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2018/5/31/--2> (дата обращения: 18.05.2018)
15. Башинджагян, Н. Геворг Башинджагян (1857–1925). История жизни в картинах и документах. – Москва : Фортуна ЭЛ, 2011. – 152 с.
16. Казарян, А. Ю. Анийский археологический институт. Диапазон деятельности и основы достижения успеха // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. — 2016. — Вып. 7. — С. 9–27
17. Казарян, А. Ю., Кукина, Д. А., Медведева, М. В. Дело «о командировании Н. Я. Марра в Русскую Армению для производства там археологических розысканий» : Первый опыт раскопок в Ани // *Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН*. – Вып. 37. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 214–227
18. Lutz Dieter, Sch. Dictionary of Minor Planet Names / Fifth Revised and Enlarged Edition. — В., Heidelberg, N. Y.: Springer, 2003. – XVI, 992 p.
19. Баева, О. В., Казарян, А. Ю. Изучение армянской и грузинской средневековой архитектуры и его значение в сложении «армянского» стиля во второй половине XIX века // *Актуальные проблемы теории и истории искусства* : сб. науч. статей / под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2021. – Вып. 11. – С. 729–742
20. Баева, О. В. Возрождение «армянского» стиля в Российской империи в эпоху эклектики. Этапы, направления, идеи // *Вопросы всеобщей истории архитектуры* // 2021.— Вып. 16. — С. 185–199
21. Печёнкин, И. Е. Архитектурное наследие Закавказья глазами теоретиков и практиков эпохи историзма // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. — 2021.— Вып. 16. — С. 161–184

References

Andreev, A. P. (1898). Na razvalinah armyanskoi Pal'miry (Iz putevykh vpechatleniy) [On the ruins of Armenian Palmyra (From travel impressions)]. *Istoricheskiy vestnik*, 1, 226–264.

- Baeva, O. V. (2021). Vozrozhdenie 'armyanskogo' stilya v Rossiiskoi imperii v epokhu eklektiki. *Etapy, napravleniya, idei* [Revival of the 'Armenian' Style in the Russian Empire in the Period of Eclecticism. Steps, Directions, Ideas]. *Questions of the History of World Architecture*, 16, 185–199.
- Baeva, O. V., & Kazaryan, A. Yu. (2021). Izuchenie armyanskoi i gruzinskoi srednevekovoi arkhitektury i ego znachenie v slozhenii 'armyanskogo' stilya vo vtoroi polovine XIX veka [The Study of Armenian and Georgian Medieval Architecture and its Significance for the 'Armenian' Style's Formation in the Second Half of the 19th Century]. In A. V. Zakharova, S. V. Maltseva, & E. Yu. Stanyukovich-Denisova (Eds.), *Actual problems of theory and history of art* (Vol. 11, pp. 729–742). St. Petersburg: St. Petersburg University Publ.
- Bashindzhagyan, N. (2011). *Gevorg Bashindzhagyan (1857–1925). Istoriya zhizni v kartinah i dokumentah* [Gevorg Bashinjagyan (1857–1925). The history of life in paintings and documents]. Moscow: Fortuna EL.
- Chobanyan P. A. (Ed.) (2011). *Foreign Sources on Ani (X – XIX Centuries)*. Yerevan: Gityutun.
- Gurallar, N. (2000). *Russian Modernization in East Anatolia: The Case of Kars*. *Muqarnas*, 37, 247–264.
- Ivanov, A. V. (2017). *Reguliarnyi vernakuljar: svoboda vnutri reshetki (istoricheskii tsentr Giumri XIX — serediny XX v.)* [Regular Vernacular — Freedom Within the Grid (The Historic Center of Gyumri in the 19th — Middle 20th Centuries)]. *Questions of the History of World Architecture*, 2(9), 159–192.
- Karapetyan, S. (Ed.). (2015). *Another Genocide after Genocide*. Yerevan: Research on Armenian Architecture Foundation.
- Kazaryan, A. Yu. (2016). Aniisky arkhelogichesky institute. *Diapazon deyatelnosti i osnovy dostizheniya uspekha* [Ani Archaeological Institute. Range of activity and what achieving headway is based on]. *Questions of the History of World Architecture*, 7, 9–27.
- Kazaryan, A. (2020). The City of Ani: Constructing a Medieval Capital in the Christian Orient. In V. Marinis, A. Papalexandrou, & J. Pickett (Eds.), *Architecture and Visual Culture in the Late Antique and Medieval Mediterranean. Studies in Honor of Robert G. Ousterhout* (pp. 241–252). Turnhout: Brepols Publishers.
- Kazaryan, A. Yu., Kukina, D. A., & Medvedeva, M. V. (2022). Records "On the N. Ya. Marr's Mission to Russian Armenia for carrying out archaeological researches there": The first experience of excavations at Ani. *Archaeological news, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, 37, 214–227. St. Petersburg.
- Leo (1963). *Ani: Travorow' yownner, hishatakner, ancac'n ow mnacac'y'* [Ani. Impressions, memories, the past and the rest]. Yerevan: Yerevan State University [In Armenian].
- Linch, H. F. (1910). *Armeniya: putevye ocherki i jetjudy* [Armenia: travel essays and etudes] (E. Dzhunkovskaya, Trans.), Vol. 1–2. Tiflis: Trading House E.I. Petrov and Co.
- Markov, E. (1901). *Russkaya Armeniya. Zimnee puteshestvie po goram Kavkaza* [Russian Armenia. Winter trip to the Caucasus mountains]. *Vestnik Evropy*, 4(7/8), 5–52.
- Marr, N. Ya. (1934). *Ani. Knizhnaya istoriya goroda i raskopki na meste gorodishcha* [Ani. Book history of the city and the site's excavations]. Moscow-Leningrad.
- Murav'ev, A. N. (1848). *Gruziya i Armeniya* [Georgia and Armenia]. Vol. II. St. Petersburg: Tipografiya III otdel. sobstv. E. I. V. kantselyarii.
- Orbeli, I. (1911). *Razvaliny Ani* [The Ruins of Ani]. St. Petersburg: "Neva" journal.
- Pechenkin, I. E. (2021). *Arkhitekturnoe nasledie Zakavkazya glazami teoretikov i praktikov epokhi istorizma* [Architectural Heritage of Southern Caucasus by the Eyes of Theorists and Architects of Historicism]. *Questions of the History of World Architecture*, 16, 161–184.
- Puteshestvie Konstantina Paustovskogo v Armeniyu: "Tysyacheletiya prikasalis' k moim glazam" [Konstantin Paustovsky's journey to Armenia: "Millennia have touched my eyes"]. (2018, May 18). *Novostnoy portal "Armyanskogo muzeya Moskvy i kul'tury nacij"*. Retrieved from <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2018/5/31/--2>
- Schmadel, L. D. (2003). *Dictionary of Minor Planet Names* (5th rev. & enlarged ed.). B., Heidelberg, N. Y.: Springer.
- Strzygowski, J. (1918). *Die Baukunst der Armenier und Europa*. Vol. 1–2. Wien: Anton Schroll & co G.M.B.H.